

«Крыльцо Её словно паперть...»

Category: Goşgular, Kitapcy

написано kitapcy | 25 января, 2025

«Крыльцо Её словно паперть...» «КРЫЛЬЦО ЕЁ СЛОВНО ПАПЕРТЬ...»

Крыльцо Ее словно паперть.
Вхожу — и стихает гроза.
На столе — узорная скатерть.
Притаились в углу образа.

На лице Ее — нежный румянец,
Тишина озаренных теней.
В душе — кружащийся танец
Моих улетевших дней.

Я давно не встречаю румянца,
И заря моя — мутно тиха.
И в каждом кружении танца
Я вижу пламя греха.

Только в дар последним похмельям
Эта тихая радость дана.
Я пришел к ней с горьким весельем
Осушить мой кубок до дна.

7 ноября 1903 г.

* * *

**Отрывок, написанный вскоре
после замужества мисс Чаворт**

Бесплодные места, где был я сердцем молод,
Аннслейские холмы!
Бушующая, вас одел косматой тенью холод
Бунтующей зимы.

Нет прежних светлых мест, где сердце так любило

День долгий коротать:
Вам небом для меня в улыбке Мэри милой
Уже не заблистать.

7 ноября 1905 г.

• **Посвящается Мэрион**

Байрон. Посвящается Мэрион

Что ты, Мэрион, так грустна?
Или жизнью смущена?
Гнев нахмуренных бровей
Не к лицу красе твоей.
Не любовью ты больна,
Нет, ты сердцем холодна.
Ведь любовь — печаль в слезах,
Смех, иль ямки на щеках,
Или склон ресницы томной, —
Ей противен холод темный.
Будь же светлой, как была,
Всем по-прежнему мила,
А в снегах твоей зимы
Холодны, бездушны мы.
Хочешь верности покорной —
Улыбайся, хоть притворно.
Суждено ль — и в грустный час
Прятать прелесть этих глаз?
Что ни скажешь — всё напрасно;
Их лучей игра прекрасна,
Губы... Но чиста, скромна,
Муза петь их не должна:
Она краснеет, хмурит брови,
Велит бежать твоей любви,
Вот рассудок принесла,
Сердце вовремя спасла.
Так одно сказать могу
(Что б ни думал я — солгу):

Губы нежные таят
Не одной насмешки яд.
Так, в советах беспристрастных
Утешений нет опасных:
Песнь моя к тебе проста,
Лесть не просится в уста;
Я, как брат, учить обязан,
Сердцем я с другими связан;
Обману ли я тебя,
Сразу дюжину любя?
Так, прости! Прими без гнева
Мой совет немилый, дева;
Я чтоб не был мне в упрек
Мой докучливый урок,
Опишу тебе черты
Властной женской красоты:
Как ни сладостна для нас
Алость губ, лазурность глаз,
Как бы локон завитой
Не прельщал нас красотой,
Всё же это плен мгновенный, —
Как нас свяжет неизменно
Легкий очерк красоты?
Нет в нем строгой полноты.
Но открыть ли, что нас свяжет,
Что пахам вас чтить прикажет
Королевами всего?
Сердце, — больше ничего.

7 ноября 1905 г.

• Проклятый колокол

Вёсны и зимы меняли убранство.
Месяц по небу катился — зловещий фонарь.
Вы, люди, рождались с желаньем скорей умереть,
Страхом ночным обессилены.

А над болотом – проклятый звонарь
Бил и будил колокольную медь.
Звуки летели, как филины,
В ночное пространство.

Колокол самый блаженный,
Самый большой и святой,
Тот, что утром скликал прихожан,
По ночам расточал эти звуки.

Кто рассеет болотный туман,
Хоронясь за ночной темнотой?
Чьи качают проклятые руки
Этот колокол пленный?

В час угрюмого звона я был
Под стеной, средь болотной травы,
Я узнал тебя, черный звонарь,
Но не мне укротить твою медь!

Я в туманах бродил.
Люди спали. О, люди! Пока не пробудитесь вы, –
Месяц будет вам – красный, зловещий фонарь,
Страшный колокол будет вам петь!

7 ноября 1906 г.

• Рождество

Звонким колокол ударом
Будит зимний воздух.
Мы работали не даром,
Будет светел отдых.

Серебрится легкий иней
Около подъезда.
Серебристые на синей
Ясной тверди звезды.

Как прозрачен, белоснежен

Блеск узорных окон!
Как пушист и мягко нежен
Золотой твой локон!

Как тонка ты в красной шубке,
С бантиком в косице!
Засмеешься – вздрогнут губки,
Задрожат ресницы.

Веселишь ты всех прохожих –
Молодых и старых,
Некрасивых и пригожих,
Толстых и поджарых.

Подивятся, улыбнутся,
Поплетутся дале,
Будто вовсе, как смеются
Дети, не видали.

И пойдешь ты дальше с мамой
Покупать игрушки
И рассматривать за рамой
Звезды и хлопушки...

Сестры будут куклам рады,
Братья просят пушек,
А тебе совсем не надо
Никаких игрушек.

Ты сама нарядишь елку
В звезды золотые
И привяжешь к ветке колкой
Яблоки большие,

Ты на елку бусы кинешь,
Золотые нити.
Ветки крепкие раздвинешь,
Крикнешь: «Посмотрите!»

Крикнешь ты, поднимешь ветку
Тонкими руками...
А уж там смеется дедка
С белыми усами!

7 ноября 1906 г. Goşgular